

журналъ Военный и литературный.

Подписная цѣна
съ доставкой и пересыл-
кой за годъ . . . 6 руб.
На 1/2 года 4 р., на 3 мѣ-
сяца 2 р., за границу 8 р.
Отдѣльные №№ по 15 к.
За перемѣну адреса 25 к.
Статьи и замѣтки должны быть
съ подписью и адресомъ автора.
Въ случаѣ надобности статьи
передѣлываются въ редакціи.
Для личныхъ объясненій редак-
ція открыта въ будни отъ
7 до 9 час. вечера.

Годъ VI. Начать съ № 117.

С.-Петербургъ, Колокольная, 14.

Выходитъ еженедѣльно.

Портреты генералъ-маіоровъ Матвѣева и Сукни. — Распоряженія по округамъ. — Замѣтки. — Спортъ Velo. — Бинокли и зрительныя трубы въ арміи. *Капитанъ К. Перскій.* — Новый казачій мундиръ. *В. В. Есаулъ.* — Ремонтнированіе кавалеріи въ Голландской Индіи. *С.* — Мѣсяцъ на горѣ Св. Николая. (Продолженіе). (Съ рисунками). *В. Н. Перовъ.* — Воспоминаніе объ экспедиціи въ Ахаль-Теке въ 1879—1881 гг. *Г. Азотовъ.* — Новыя изданія: О средствахъ, усиливающихъ боевую силу арміи. *Н. О. Легевникій.* *Э. Свидзинскій.* — Родной Парнасъ. *К. Шипло.* *Шнора.* — Обзоръ семи русскихъ и пяти иностранныхъ журналовъ. — Вопросы и отвѣты №№ 1172—1175. — Высочайшіе приказы.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ.

Первый частный ВОЕННЫЙ журналъ

„РАЗВЕДЧИКЪ“

съ 1-го января 1893 года выходитъ еженедѣльно.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой и пересылкой:

На годъ 6 руб.
На 1/2 года 4 руб.
За границу на годъ 8 р.; на 1/2 года 5 р.

Разсрочка допускается только на годъ: при подпискѣ 2 р.
къ 1 марта 2 р.
къ 1 мая 2 р.
{ Черезъ войсковую часть разсрочка по
соглашенію, хотя бы по 50 к. въ мѣс. }

Деньги могутъ быть высланы почтовыми марками, каждая не дороже 50 к. Безденежная подписка не принимается. За перемѣну адреса 25 к. Отдѣльные №№ выслаются за 15 к. Объявленія принимаются по особой расцѣнкѣ, высланной по требованію.

Командиръ 3-й Туркестанской линейной бригады, Генералъ-Маіоръ

**Павелъ Павловичъ
МАТВѢЕВЪ.**

Родился въ 1837 г. Поступилъ на военную службу унтеръ-

Начальникъ 5-й бригады кавалерійскаго запаса, Генералъ-Маіоръ

**Фридрихъ Фридриховичъ
СУКНИ.**

Родился въ 1823 году. Въ 1843 г. поступилъ на военную

время года общій видъ горъ чудесный: свѣжая зелень лѣсовъ живописными пятнами покрываетъ скаты ихъ, они разнообразятся болѣе свѣтлыми тонами лужаекъ, или яркими — обнаженныхъ скалъ и обрывовъ, а нѣсколько ниже, пріятными желтыми или зелеными тонами нивъ. Сѣверные склоны Балканъ заселены очень густо, масса селеній ютится у подошвы горъ, скрываясь въ густыхъ рощахъ сливъ и другихъ деревьевъ, обнаруживая свое присутствіе только разбѣгающимися вокругъ нивами.

Къ югу, съ горы, открывается еще болѣе красивый видъ на всю долину розъ, городъ Казанлыкъ и малые Балканы.

Долина розъ или долина рѣки Тунджи представляется, сверху горы, обширной равниной, ограниченной съ двухъ сторонъ большими и малыми Балканами, вся она испещрена зелеными пятнами орѣховыхъ рощъ, въ которыхъ скрываются селенія; въ одной изъ рощъ, ближайшей къ сел. Шипкъ, скрывается село Шейново, а вблизи ея нѣсколько кургановъ, одинъ изъ нихъ огромный. Во время Шейновскаго боя эти курганы были заняты турками и приведены въ оборонительное положеніе; на большомъ курганѣ было два яруса траншей, а на вершинѣ его батарея для нѣсколькихъ полевыхъ орудій. На востокъ видно большое темное пятно, изъ котораго торчатъ нѣсколько минаретовъ, — это городъ Казанлыкъ.

Чѣмъ ближе къ подошвѣ горъ, тѣмъ гуще и гуще становится растительность, прерываемая полями розовыхъ план-

локли вершины Балканъ сплошной массой, туманъ былъ такъ густъ, что въ 10 шагахъ нельзя было ничего различить; пронизывающая сырость и холодъ были настолько сильны, что только въ полуснѣжкѣ чувствовалось хорошо, не захватившіе этого драгоценнаго предмета дрожали и ежились. Туманъ стоялъ, не расходясь, дней 10, работать было совершенно невозможно; пользуясь этимъ, я сдѣлалъ нѣсколько экскурсій верхомъ въ долину розъ и городъ Казанлыкъ, при чемъ всякій разъ случалось, что спустившись съ Николая на полгоры внизъ, выѣзжая изъ облаковъ, въ долину оказывалась превосходная погода; солнце сіяло во всемъ блескѣ, освѣщая причудливыя формы сплошной массы облаковъ, окутавшихъ вершины горъ; возвращаясь, очень непріятно было погружаться снова въ сырую хлябь тумана.

В. Н. Перовъ.

(Продолженіе будетъ).

Воспоминанія объ экспедиціи въ Ахалъ-Теке 1879—1881 гг.

I.

Дузъ-Олумъ или Дузулумъ, такъ называется на восточномъ берегу Каспійскаго моря, на языкѣ тамошнихъ народовъ Туркменъ-Теке, мѣстечко, которое находится у слиянія рѣчекъ Сумбара и Чандыра.

Въ 1879 году, по возвращеніи нашего отряда изъ Геокъ-Тепе, Дузулумъ былъ укрѣпленъ прорытіемъ отъ Чандыра къ Сумбару широкаго и глубокаго рва съ насыпью, вслѣдствіе чего получался сомкнутый треугольникъ, ни съ одной изъ сторонъ недоступный для вторженія непріятеля, такъ какъ съ фланговъ онъ вполне обезпечивался крутыми берегами рѣкъ Сумбара и Чандыра, подъ острымъ угломъ впадающими въ рѣку Атрекъ, на западной сторонѣ; а съ фронта или съ восточной стороны, доступъ непріятелю прегражденъ былъ вышеописаннымъ рвомъ.

Гарнизонъ этого укрѣпленія въ описываемое время составляли: два баталіона пѣхоты, одинъ полкъ казаковъ и одна батарея.

Начальникомъ гарнизона былъ одинъ изъ баталіонныхъ командировъ, майоръ Крыжановскій. Это типъ стараго кавказскаго офицера. Всегда открытые глаза и постоянная улыбка на губахъ изобличали его про-

стодушіе и прямоту; густые, выющіеся, сѣдые волосы на головѣ, густая окладистая борода, прямой станъ, ростъ выше средняго и плотное сложеніе, говорила за то, что майоръ во времена молодости былъ недуренъ собой и строенъ. Подгулялъ только у Льва Николаевича, такъ звали Крыжановскаго, носъ, который былъ широкій, точно сплюснутый, и оканчивался какъ бы наконечникомъ.

Принялъ такую, нельзя сказать, чтобы некрасивую, но выдающуюся форму, носъ Льва Николаевича, какъ рассказывалъ самъ онъ, послѣ паденія и сильнаго ушиба въ дни юности.

Левъ Николаевичъ боготворилъ свою жену «Дашеньку», которая, будучи по натурѣ честолюбивѣе своего муженька, удерживала его на службѣ, имѣвшаго тогда чуть ли не болѣе семидесяти лѣтъ, и жаждала очень увидѣть на мужѣ красную подкладку, а самой облечься въ громкій тигуль «генеральши». Но, увы, радужнымъ мечтамъ этимъ не суждено было осуществиться, такъ какъ, по окончаніи экспедиціи, Льву Николаевичу пришлось выйти въ отставку всего лишь въ полковничьемъ чинѣ.

У этого добродушнаго майора любимымъ словечкомъ былъ «чубукъ», которое онъ всегда прибавлялъ, обращаясь къ присутствующимъ, особенно къ молодежи:

— Ну что, чубукъ, какъ спалось? А, здравствуй, чубукъ, давно-ли вернулся? и т. п. При этомъ ко всемъ относился съ фамиліарнымъ «ты».

Бивакъ на вершинѣ Николая.

тацій и разныхъ фруктовыхъ деревьевъ. У самой подошвы Николая остоветъ, раззореннаго до тла, села Шипки, съ одной уцѣлѣвшей церковью, одиноко бѣлѣющейся среди зелени.

Вершины ближайшихъ къ Николаю горъ почти обнажены отъ лѣсовъ, вырубленныхъ нашими и турецкими войсками въ продолженіе зимы и покрыты кустарникомъ; по скатамъ въ это время растетъ масса земляники, дикой малины и шиповника въ цвѣту. Шиповникъ называется по болгарски «шипка»; отъ этого произошло названіе села и перевала.

На другой день прибытія приступили къ работамъ, погода дня три была отличная, работать было пріятно, наслаждаясь чистымъ воздухомъ и прелестными видами, затрудняло только лазаніе по горамъ; земляника и малина доставляли иногда пріятное и полезное развлеченіе.

По вечерамъ нашъ маленькій лагерь представлялъ видъ цыганскаго табора: разводились костры, пѣлись пѣсни и пр. Съ наступленіемъ темноты вокругъ лагера собирались изъ окрестнаго лѣса одичавшія голодные собаки и кошки раззоренныхъ окрестныхъ турецкихъ деревень и подымали вой; приходилось отгонять ихъ выстрѣлами изъ винтовокъ Пибоди. Однажды, въ темную ночь, послышался отчаянный крикъ нашихъ куръ, продолжавшійся нѣсколько минутъ; на другое утро оказалось, по оставшимся слѣдамъ, что двѣ изъ нихъ были похищены кошкой.

Черезъ нѣсколько дней погода измѣнилась, облака заво-

зону, вызывая на загорѣлыхъ лицахъ солдатъ улыбки удовольствія.

— Ура! ребята! Дождались, наконецъ, своего! Не все сидѣть на мѣстѣ, да жариться по пустякамъ. По крайности и непріятеля теперь скоро увидимъ. Что такой за текинecъ! Ужъ, почитай, годъ цѣлый слышимъ о нихъ, а до сихъ поръ и въ глаза не видали!—кричитъ одинъ изъ солдатъ своимъ товарищамъ по кибиткѣ, радостно потирая руки.

— Успѣемъ, братъ, насмотрѣться на ихъ богомерзкія хари. Видали, небось, въ Чикишларѣ туркменовъ — одинъ чортъ! Такіе же черномазые, да длиннополые халатники! Всѣ они тутъ одни только названія разныя,—отвѣтилъ на это другой, видимо мало интересующійся текинцами.

Скоро къ разговору пристали другіе и пошли въ ходъ различныя предположенія и догадки. Одни говорили, что текинцы народъ храбрый, жестокий; другіе утверждали, что они храбры только на разбой и грабежи, и что передъ нашими берданками навѣрно струсятъ и что побѣдить ихъ ничего не стоитъ, если бы не песчаная степь, да зной, мѣшающій добраться до самаго ихъ сердца.

— Какъ же это такъ, Иванъ Сидоровичъ, — обращается молоденькій рядовой къ унтеръ-офицеру, — все говорятъ, что текинцы халатники и храбры только изъ-за угла, иначе 28-го августа какого они чѣсу задали нашимъ и этой самой ихъ крѣпости Гокъ-Тапы не взяли мы?

— Что-жъ съ того, что не взяли, — заявляетъ авторитетно галунникъ. — Сраму тутъ не оказалось никакого, потому нашъ братъ свое дѣло сдѣлалъ, долгъ свой выполнилъ. А коли на одного понапретъ десять человекъ, такъ тутъ, хоша самъ Бова Королевичъ, али Илья Муромецъ дерись въ нашихъ рядахъ, и то не одолѣть-бы!

Г. Азотовъ.

(Продолженіе будетъ).

Простятъ авторовъ, желающихъ имѣть отзывъ о своихъ трудахъ военнаго содержанія, присылать по 2 экз. новыхъ изданій въ редакцію «Развѣдчика» С.-Петербургъ, Колокольная, № 14.

О средствахъ, усиливающихъ боевую силу арміи. I. Чтеніе въ войскахъ офицеровъ нижнимъ чинамъ, сопровождаемыхъ тѣневыми картинами, воспроизводимыми волшебнымъ фонаремъ и чтеніе съ однѣми картинами. II. Грамотность въ войскахъ и народѣ. Соч. В. О. Лагевническаго. Одесса, 1893 г., въ 8 д., 139 стр.

Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 65 к.

Книга эта написана старымъ, заслуженнымъ, слѣпымъ ветераномъ, который, прослуживъ родинѣ съ честью много лѣтъ и потерявъ на службѣ зрѣніе, все еще стремится принести посильную пользу тому дѣлу, коему посвятилъ лучшіе годы своей жизни.

Напряженно слѣдя за всѣмъ, что писалось въ литературѣ объ интересующемъ его предметѣ, нанимая чтеца, дабы ознакомиться съ новыми сочиненіями, почтенный авторъ диктуетъ сыну заветныя мысли съ единственной цѣлью внести свою лепту на пользу нашей доблестной арміи.

Избравъ для своего изслѣдованія организацію демонстративныхъ чтеній для войскъ и народа, и средства къ распространенію грамотности въ войскахъ, авторъ считалъ себя вправѣ дать приведенный заголовокъ своему сочиненію, исходя изъ того положенія, что всякое сложное явленіе есть результатъ работы всѣхъ дѣйствующихъ въ немъ силъ и что нельзя поэтому пренебрегать ни одной силой, дѣйствующей въ бою, какъ бы она повидимому ни была ничтожна, особенно когда сила эта распространяется на всю массу бой-

цовъ, оказывая вліяніе на ихъ качества, духъ и умственные способности.

Въ сочиненіи В. О. Лагевническаго читатели не найдутъ легкаго пособія, для облегченія самого механизма веденія занятій. Это есть серьезное изслѣдованіе, ознакомленіе съ которымъ поможетъ лицамъ, стоящимъ у дѣла, съ большимъ сознаніемъ отнестись къ задачѣ — возвысить умственный кругозоръ и нравственный уровень массы солдатъ, а потому мы горячо желаемъ успѣха этой полезной книгѣ въ средѣ нашихъ офицеровъ.

Въ первой части своего сочиненія авторъ обращаетъ вниманіе на пользу нагляднаго метода обученія, излагаетъ краткій историческій очеркъ демонстративныхъ чтеній съ помощью волшебнаго фонаря для нижнихъ чиновъ и народа, останавливается подробно на организаціи таковыхъ чтеній, исчисляетъ необходимый расходъ на покупку волшебныхъ фонарей и указываетъ рядъ статей, подходящихъ для этихъ чтеній, излагая вкратцѣ нѣкоторые характерные рассказы.

Авторъ горячо ратуетъ за привлеченіе всѣхъ офицеровъ, а также полковыхъ врачей и священниковъ, къ устройству чтеній для нижнихъ чиновъ, справедливо утверждая, что, будучи введены во всѣхъ частяхъ войскъ, таковыя чтенія, сопровождаемыя тѣневыми картинами, воспроизведенными волшебнымъ фонаремъ, принесутъ неоспоримую пользу, «увеличивая кругозоръ понятій нижнихъ чиновъ, возвышая доблесть и духъ ихъ, при чтеніи имъ соответственныхъ статей, способствуя самообразованію, заохочивая къ занятіямъ грамотностью, отвлекая отъ дурныхъ поступковъ, внося въ однообразную жизнь солдатъ, въ особенности при казарменномъ расположеніи, болѣе разнообразія, доставляя пріятное препровожденіе времени, а въ соединеніи съ увеличившеюся грамотностью въ войскахъ и поступленіемъ въ нихъ болѣе грамотныхъ новобранцевъ, безспорно увеличатъ боевую силу арміи, если принять въ расчетъ, что самое ничтожное приращеніе силы каждаго изъ бойцовъ въ какомъ бы то ни было отношеніи, составляетъ уже громадное приращеніе силы для цѣлой арміи».

Во второй части своей книги авторъ указываетъ средства къ скорѣйшему распространенію грамотности въ войскахъ при основательномъ изученіи педагогики, преподающими грамоту офицерами ротныхъ школъ и полковыхъ учебныхъ командъ.

Признавая громадное значеніе грамотности въ войскахъ и народѣ, авторъ въ то же время справедливо замѣчаетъ: «сама же грамотность не должна быть единственной цѣлью къ которой слѣдуетъ стремиться, а только служить средствомъ къ развитію солдатъ для легчайшаго пониманія ими всѣхъ обязанностей службы, къ сознательному исполненію долга къ Царю и Отечеству».

Вторую главу II части своей книги авторъ посвящаетъ краткому историческому очерку распространенія грамотности въ народѣ, сравнивая % грамотныхъ новобранцевъ по отношенію къ неграмотнымъ, поступающимъ въ войска перво-классныхъ государствъ европейскаго континента.

Увеличеніемъ % грамотныхъ новобранцевъ, безъ сомнѣнія, облегчится задача войскъ; въ свою очередь стремленіе войскъ расширить умственный кругозоръ массы солдатъ, удовлетворяя жизненной потребности арміи, благотворительно отражается на той средѣ, въ которую возвращаются нижніе чины, отбывшіе воинскую повинность. Эта взаимная связь и общность интересовъ народа и арміи особенно подчеркивается въ разсматриваемомъ сочиненіи.

Э. Свидзинскій.

Родной Парнасъ. Сборникъ военныхъ пѣсенъ для всѣхъ родовъ и категорій войскъ. Соч. Константинъ Шишло, автора патристическихъ стихотвореній: «Чудо Господне», «Русское ура!», «Чувство русскаго воина» и др. Г. Тельши, Ковенской губ. Типографія Х. З. Слонимскаго, 1893.

Цѣна 60 к., съ перес. 75 к. Ноты къ нему 60 к., съ перес. 75 к.

Въ введеніи своемъ авторъ молить:

Не нуженъ мнѣ Пегасъ; коня лишь боевого,
О музы, дайте мнѣ! Я умоляю васъ!

журналъ Военный и литературный.

Годъ VI. Начать съ № 117.

С.-Петербургъ, Колокольная, 14.

Выходитъ еженедѣльно.

Шестидесятилѣтіе службы графа Д. А. Милютина. — Изъ циркуляровъ Главнаго Штаба. — Замѣтки. — Корреспонденція «Разведчика». — Гипокли и зрительныя трубы. (Продолженіе). *Капитанъ К. Перекій* — Ремонтнированіе кавалеріи въ Голландской Индіи. (Окончаніе). С. — Пилы. А. *Биньковский*. — Исходъ эстандартъ-юнкерамъ. К. З. Ш. — Конскій заводъ. Н. Л. — Кандидаты на ротныхъ командировъ. *Аркадій Валуевъ*. — Мѣсяцъ на горѣ св. Николая. (Съ рисунками). (Продолженіе). В. П. *Перовъ*. — Воспоминанія объ экспедиціи въ Ахаль-Теке 1879—1881 гг. (Продолженіе). Г. *Азотовъ*. — Новыя изданія: Фехтованіе на пашкахъ и пикахъ. Гладковъ. В. *Сухомлиновъ*. — Совѣты. — Обзоръ трехъ русскихъ и одного иностраннаго журнала. — Вопросы и отвѣты №№ 1176—1178. — Высочайшіе приказы.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ.

Первый частный ВОЕННЫЙ журналъ

„РАЗВЕДЧИКЪ“

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО. ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой и пересылкой:

На годъ 6 руб.
 На 1/2 года 4 руб.
 За границу на годъ 8 р.; на 1/2 года 5 р.

Разсрочка допускается только на годъ: при подпискѣ 2 р.
 къ 1 марта 2 р.
 къ 1 мая 2 р.

Денги могутъ быть высланы почтовыми марками, каждая не дороже 50 к. Безденежная подписка не принимается. За перемѣну адреса 28 к. Отдѣльные №№ выкупаются за 15 к. Объявленія принимаются по особой расцѣнкѣ, высланной по требованію.

Шестидесятилѣтіе службы графа Д. А. МИЛЮТИНА.

8-го ноября исполнилось шестьдесятъ лѣтъ службы въ офицерскихъ чинахъ генераль-адъютанта графа Дмитрія Алексѣевича Милютина *). Въ этотъ день академіями Николаевской генеральнаго штаба и военно-юридической, въ которыхъ графъ Милютинъ состоитъ почетнымъ президентомъ, были представлены его сіятельству слѣдующіе адреса:

I.

Отъ Николаевской академіи генеральнаго штаба:

«Конференція Николаевской академіи генеральнаго штаба съ чувствомъ великаго удовольствія и глубокаго уваженія привѣтствуетъ васъ по случаю исполнившагося шестидесятилѣтія служенія вашего престола и отечеству въ офицерскихъ чинахъ.

«Ваши заслуги, какъ администратора и реорганизатора нашихъ военныхъ силъ, какъ государственнаго дѣятеля, который во всеоружіи науки, вдохновляясь высокимъ патріотизмомъ, являлся достойнѣйшимъ исполнителемъ благихъ державныхъ плановъ Государя, незабвеннаго въ сердцахъ русскаго народа, — эти заслуги ваши вписаны уже на страницы отечественной исторіи, и вся просвѣщенная Россія съ уваженіемъ произноситъ ваше имя, съ сердечной признательностью она помянетъ его и въ день вашего юбилея.

«Это общее уваженіе къ вамъ составляетъ предметъ и нашей гордости. Николаевская академія генеральнаго штаба

гордится передъ всею Россіей дорогимъ для нея именемъ своего почетнаго президента, который десять лѣтъ уже стоитъ въ этомъ званіи во главѣ академіи; съ его именемъ связана почти вся исторія академіи. Еще въ тридцатыхъ годахъ вы вступили въ стѣны тогда еще новаго учрежденія; вы были однимъ изъ первыхъ слушателей академіи, закончили въ ней свое специальное военное образованіе, и вашимъ именемъ украшена первая мраморная академическая доска. Черезъ нѣсколько лѣтъ вы являетесь въ стѣнахъ той же академіи уже въ званіи профессора и блестяще выполняете возложенныя на васъ трудныя обязанности. Поставивъ свой предметъ, тогда еще новый, но существенно важный въ дѣлѣ военнаго образованія, на подобающую ему высоту, вы скоро заняли почетное мѣсто въ ряду выдающихся научныхъ силъ академіи, и ваши ученые заслуги были торжественно признаны во всемъ ученомъ русскомъ мірѣ.

«Будучи затѣмъ призваны къ исполненію высшихъ административныхъ должностей въ нашей арміи, вы въ своей дѣятельности руководились принципами, которые были всегда дороги академіи, неуклонно заботились о нравственномъ и умственномъ совершенствованіи русскаго солдата и русскаго офицера. Съ сердечной благосклонностью относились вы къ офицерамъ генеральнаго штаба, находя въ нихъ просвѣщенныхъ и ревностныхъ исполнителей вашихъ предначертаній и служебнаго долга. Вы не оставляли вашихъ попечительныхъ заботъ о благоденствіи и преуспѣяніи нашей академіи, этого очага русской военной науки. Подъ вашимъ личнымъ руководствомъ были заново переработаны академическія программы, которыя въ главныхъ основаніяхъ сохраняются и до сихъ

*) Современнаго портрета большого формата мы найти не могли, а потому помѣщаемъ на слѣдующей страницѣ портретъ графа Д. А. Милютина, снятый въ 1890 г. фотографомъ любителемъ.

Воспоминанія объ экспедиціи въ Ахалъ-Теке 1879-1881 гг. *).

(Продолженіе).

II.

Въ противоположность Крыжановскому, былъ въ отрядѣ другой баталіонный командиръ — подполковникъ князь Константинъ Ивановичъ Магаловъ. Всегда раздуженный, гладко выбритый, въ безукоризненно бѣломъ кителѣ и всегда въ перчаткахъ. Въ противоположность размашистой, твердой походкѣ Льва Николаевича, князь сѣмилъ, точно пѣтушокъ, своими ножками, которыми, кстати сказать, позавидовала-бы иная женщина, до того онѣ были малы. Ведя регулярный образъ жизни, князь очень хорошо сохранился, и глядя на него, нельзя никогда было ему дать его пятидесяти лѣтъ. Требовательный по службѣ, въ частной жизни онъ былъ до чрезвычайности добрый и большой руки оригиналь. Чрезмѣрной его добротой, какъ водится, очень даже злоупотребляли. Особенно бывший въ услуженіи у него денщикъ Лукашикъ, который, уйдя отъ него, зажилъ богато на княжескую экономію и завелъ на Шуринской биржѣ роскошный фэтонъ и пару лошадей.

При разговорѣ у князя было въ привычкѣ вставлять слова: «Ахъ ты, Боже мой!»

Какъ-то, въ одинъ изъ дней, назначенныхъ для доклада, приходитъ къ нему адъютантъ и приноситъ къ подписи бумаги. Такъ онъ, не читая ихъ, подписываетъ, приговаривая:

— Ахъ ты, Боже мой, сколько ихъ. Помните, Федоръ Семеновичъ, подписываю я, а отвѣчать будете вы. Вотъ, смотрите: я даже, закрывши гла-

за, буду подписывать! — При этомъ, дѣйствительно, закрываетъ глаза лѣвой рукой, а правой подписываетъ.

Въ одной изъ такихъ бумагъ оставлено было мало мѣста для подписи его фамилии, такъ онъ замѣчаетъ, обращаясь къ адъютанту:

— Ахъ ты, Боже мой, какъ вы мало мнѣ мѣста оставили, ну какъ я тутъ, скажите мнѣ пожалуйста, помѣшусь?!

— Такъ оставьте, ваше сіятельство, эту бумагу. Можно будетъ переписать ее.

— Идѣть ужь, давайте!

Беретъ и подписываетъ: «Мага», а «ловъ» переноситъ на другую сторону и расчеркивается.

Одинъ разъ, въ отсутствіе адъютанта, была послана вольноопредѣляющимся Малкоѣдовымъ, который обыкновенно переписывалъ бумаги въ баталіонной канцеляріи, въ штабъ дѣйствующихъ войскъ бумага, въ которой пропущено было второпяхъ слово «рапортъ», такъ что она вышла въ видѣ «отношенія», какъ-бы въ равную инстанцію, за что изъ штаба послѣдовалъ выговоръ Магалову.

И вотъ, когда адъютантъ докладываетъ о ней въ такихъ словахъ:

— Ваше сіятельство! За короткія отношенія со штабомъ намъ сдѣлали выговоръ.

— Что вы, что вы, пожалуйста? Побойтесь Бога! развѣ это мнѣ, развѣ это намъ выговоръ, нѣтъ!! Это, батенька мой, Малкоѣдову — вѣдь онъ писалъ, не мы. — Заявилъ князь, вскочивши со стула, точно ужаленный по прочтеніи штабной бумаги.

4-го декабря 1880 года нашему баталіону, подъ командой князя Магалова, выпало счастье идти въ отрядъ бѣлаго генерала М. Д. Скобелева, на рекогносцировку Геокъ-Тепе изъ укрѣпленія Эгень-Батырь-Кала.

Какъ сейчасъ вспоминается канунъ этого дня. Былъ чудесный, точно лѣтній, лунный вечеръ. Долго послѣ вечерней зари бодрствовалъ еще весь гарнизонъ. Пѣсенники пѣли. Музыка играла. Особенное веселіе и оживленіе замѣтно было въ нашемъ баталіонѣ, гдѣ офицерство, на подборъ была молодежь: четыре ротныхъ командира подпоручики, а остальные десять человекъ все прапорщики, почти однолѣтки, выпуска 77-го и 78-го годовъ. Вѣсть о томъ, что 4-й баталіонъ Апшеронскаго полка назначенъ на рекогносцировку

до чрезвычайности обрадовала всѣхъ насъ, а равно нашего баталіонера князя Магалова, который, самодовольно потирая руки, разгуливалъ частыми шагами по укрѣпленію.

Увидавъ проходившаго мимо младшаго брата моего, только что произведеннаго въ офицеры, остановилъ его и спросилъ:

— А вы, Володя, идете завтра въ дѣло, а?

— Никакъ нѣтъ ваше сіятельство! на мою долю не выпадаетъ этого счастья.

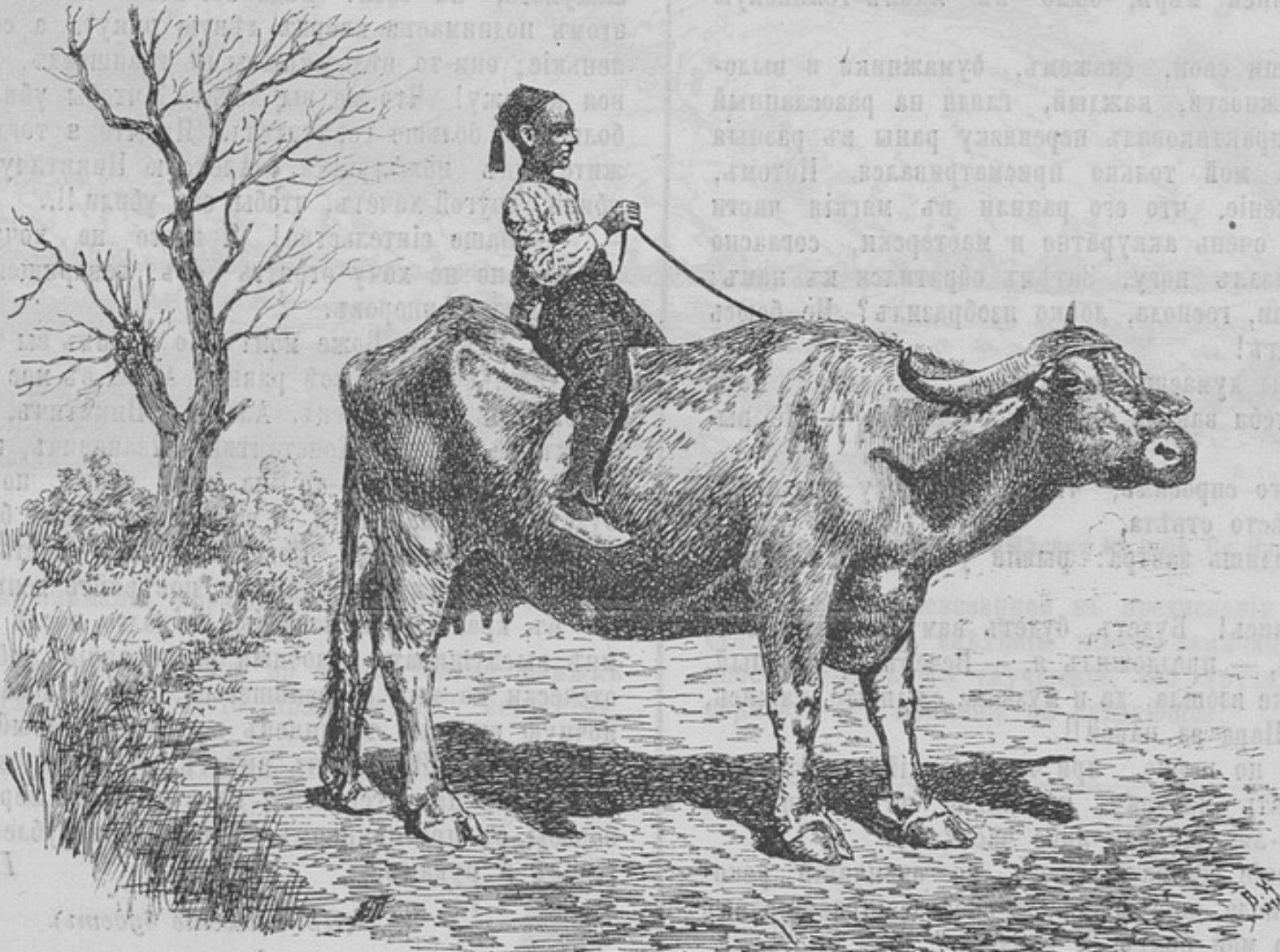
— Такъ если хотите, пойдемте съ моимъ баталіономъ, будете въ квадратѣ Владиміръ. Впрочемъ у васъ ни одного ордена нѣтъ, ахъ, ты, Боже мой! Хотя ничего: постарайтесь, знаете-ли, какъ нибудь выскочить впередъ изъ цѣпи, такъ я васъ сейчасъ-же на мѣстѣ представлю къ Владиміру; увѣрю васъ!

— Какъ не хотѣть, ваше сіятельство! Я съ величайшимъ удовольствіемъ пойду. Тѣмъ болѣе мнѣ, какъ повичку, очень хотѣлось-бы побывать въ пороховомъ дымѣ.

— Ну, такъ идите и собирайтесь! только не забудьте получить изъ «Краснаго Креста» самопомощь. Генералъ отдалъ приказаніе выдать ее каждому офицеру, идущему завтра на рекогносцировку.

Не слыша, какъ говорится, подъ собою ногъ, прибѣжалъ юнецъ, полный радости, въ мою кибитку, гдѣ насъ собралось нѣсколько человекъ, и объявилъ, что и онъ идетъ съ нами.

— Есть чему радоваться, носастый Володька, вѣдь убьютъ! Кому, кому, а кучому достанется. Помни мое слово, если пойдешь, то текинцы тебя помѣтатъ завтра, — ошеломилъ вошедшаго Чикаревъ, одинъ изъ ротныхъ командировъ съ рыжей бородой, лицо все въ веснушкахъ. —

Турченокъ верхомъ на буйволицѣ. (Къ статьѣ «Мѣсяцъ на горѣ Св. Николая»).

— Типунъ тебѣ на языкъ, конопатый! — огрызнулся Поповъ.

— Давайте-ка лучше познакомимся съ самопомощью, которую намъ выдали изъ «Краснаго Креста» — предложилъ я. — А то, какъ знать, чего не знаешь. Не ровень часъ, и въ самомъ дѣлѣ кого нибудь изъ насъ пристрѣлятъ?

— Идетъ, идетъ, давайте! — согласились всѣ.

Каждый досталъ свой карманный перевязочный наборъ, или, какъ попросту принято было называть въ отрядѣ, самопомощь, представлявшую изъ себя нѣчто въ родѣ бумажника изъ краснаго сафьяна съ двумя отдѣленіями, въ которыхъ заключалось десять предметовъ, а именно: 1) четыре салициловыхъ тампона, 2) салициловый вато-марлевый компрессъ, 3) трехугольный платокъ, 4) бинтъ, 5) хирургическія и простыя булавки, 6) кровоостанавливающая матерія, 7) резиновый турникетъ, 8) мѣшокъ паргаментный, 9) непромокаемая бумага и 10) наставленіе для производства перевязокъ.

Здѣсь кстати будетъ упомянуть, что на самомъ-то дѣлѣ никто, кажется, изъ офицеровъ не бралъ ее съ собою, а если и бралъ кто, то не примѣнялъ къ употребленію, пользуясь услугами докторовъ, сестеръ милосердія и фельдшеровъ.

Такъ, по крайней мѣрѣ, было въ Ахаль-Текинскую экспедицію.

И такъ, доставши свои, скажемъ, бумажники и выложивъ всѣ принадлежности, каждый, глядя на разосланный на полу платокъ, практиковалъ перевязку раны въ разныхъ мѣстахъ тѣла. Братъ мой только присматривался. Потомъ, сдѣлавъ предположеніе, что его ранили въ мягкія части бедра лѣвой ноги, очень аккуратно и мастерски, согласно наставленія, перевязалъ ногу. Затѣмъ обратился къ намъ:

— Не правда-ли, господа, ловко изобразилъ? Не боюсь теперь, пусть ранятъ!

— А что-же ты думаешь увернуться, Володька: Вотъ боюсь тебѣ, что тебя завтра шельмеца ранятъ. — Не вытерпѣлъ Чикаревъ.

«Рыжій краснаго спросилъ, чѣмъ ты бороду красишь!» запыль Поповъ вмѣсто отвѣта.

— А вотъ увидишь завтра: рыжій уцѣлѣетъ, а бѣлаго окрасятъ.

— Экъ сцѣпились! Будетъ, будетъ вамъ! Пойдемте-ка лучше прогуляемся, — предложилъ я. — Вечеръ прелестный. Красавица луна уже взошла, да и музыка, слышите, какъ-ся, мазурку играетъ. Пара за парой!!!

И схватившись по парно, при чемъ рыжій съ бѣлымъ, бросились откалывать мазурку, нисколько не помышляя о томъ: «не близокъ-ли ужъ чей либо часъ?»

Странное стеченіе обстоятельствъ: по окончаніи рекогносцировки 4-го числа, изъ офицеровъ оказался только одинъ раненый, и именно мой братъ. И куда-же?

На вылетъ пулею въ бедро лѣвой ноги. И не смотря на то, что рана оказалась легкою, такъ какъ пуля, не задѣвъ кости, пробила лишь мягкія части, несчастный юноша, съ такимъ пыломъ молодой души рвавшійся въ бой, 17-го декабря, черезъ какія нибудь двѣ недѣли, отдалъ Богу душу, сдѣлавшись такимъ образомъ жертвой докторской небрежности.

Когда узналъ князь Магаловъ о раненіи моего брата, то прибѣжалъ ко мнѣ, почти плача, и сказалъ:

— Георгій, извините меня, пожалуйста, это я вѣдь виноватъ, что Володю ранили. Ахъ ты, Боже мой! Бога ради, приготовьте къ этому какъ нибудь Алексѣя Никитича.

Затѣмъ потащилъ меня въ кибитку брата и когда увидѣлъ у него веселую, нисколько не страдающую физиономію, отъ души расхохотался и обратился къ брату:

— Ну, Володя, сама судьба за васъ. На счетъ вашего Владиміра я прямо въ штабъ телеграфировалъ.

Но когда братъ, вслѣдствіе того, что допустили развиться гангрены, умеръ, то Магаловъ долго объ этомъ скорбѣлъ и все думалъ: «что онъ скажетъ», когда увидится съ Алексѣемъ Никитичемъ, съ которымъ онъ былъ большой пріятель, такъ какъ издавна служили вмѣстѣ въ Апшеронскомъ полку и командовали баталіонами: одинъ 4-мъ, другой — 3-мъ.

Въ описываемое время 3-й баталіонъ продвигался по Михетловской линіи къ крѣпости Геокъ-Тепе.

Съ 20-го декабря начались осадныя работы по проведенію траншей и крытыхъ ходовъ отъ Янги-Кала къ Геокъ-Тепе, на которыя я ходилъ то съ одной, то съ другой ротой въ качествѣ младшаго офицера.

Но вотъ, въ одинъ прекрасный день, требуетъ меня къ себѣ, черезъ баталіоннаго адъютанта, князь Магаловъ. Являюсь.

— Скажите мнѣ, пожалуйста, гдѣ это вы пропадаете?

— Я, ваше сіятельство, ходилъ съ полуротою на работы.

— Какія вамъ тамъ работы! Вотъ ваша работа: извольте взять перо, чернило, бумагу, счеты и щелкайте!

Я былъ въ баталіонѣ за казначея.

Дня черезъ три, или четыре, я опять пошелъ въ траншею со слѣдующею дежурною ротою. Вернувшись оттуда на другія сутки, я попался на глаза баталіонеру.

— Гдѣ вы были вчера цѣлый день? Я васъ не видѣлъ?

— Я былъ, ваше сіятельство, въ траншеѣ на работахъ, такъ какъ у меня по моей части дѣлъ особенныхъ не было.

— Опять на работахъ! Ахъ ты, Боже мой, выросъ какъ кибитка и вздумалъ по траншеямъ ходить! Посмотрите, пожалуйста, на себя! Вѣдь вы вонъ какой большой (при этомъ поднимаетъ вверхъ лѣвую руку), а солдаты все маленькіе; они-то вѣдь скрыты въ траншеяхъ, а у васъ голова вся наружу! Что-же вы хотите, чтобы убили васъ!! (все больше и больше горячится). Ну что я тогда скажу, скажите мнѣ пожалуйста, Алексѣю Никитичу: одного сына убили, другой хочетъ, чтобы его убили!!!

— Ваше сіятельство! Я вовсе не хочу, чтобы меня убили, но не хочу отстать отъ товарищей своихъ, отъ строевыхъ офицеровъ.

— Ахъ ты, Боже мой! Про какихъ вы тамъ строевыхъ толкуете: офицеры всѣ равны. А вы въ мое положеніе войдете. Вѣдь вашъ отецъ, Алексѣй Никитичъ, скажетъ мнѣ: «какъ-же это вы, Константинъ Ивановичъ, не уберегли моихъ дѣтей?» Грѣхъ-то на моей душѣ, понимаете-ли вы, будетъ!! Да, наконецъ, я вамъ приказываю больше не ходить туда, понимаете-ли!! Извольте взять счеты и щелкайте; возьмите денежный ящикъ и повѣряйте деньги, вотъ что!!!

Къ крайнему сожалѣнію, не долго послѣ этого пришлось мнѣ выслушивать подобныя распеканія добрейшаго князя, отечески ко мнѣ относившагося. 28-го декабря, въ первую почную вылазку текинцевъ на нашъ правый флангъ, князь Константинъ Ивановичъ вмѣстѣ съ Чикаревымъ и другими офицерами палъ геройски, не выдержавъ неравной по массѣ борьбы съ противникомъ. Онъ былъ изрубленъ шашками по головѣ и рукамъ.

Г. Азотовъ.

(Продолженіе будетъ).

Просятъ авторовъ, желающихъ имѣть отзывъ о своихъ военныхъ трудахъ, присылать по 2 экз. новыхъ изданій въ редакцію «Развѣдчика», С.-Петербургъ, Колокольная, № 14.

Фехтованіе на шашкахъ и пикахъ, для занятій въ строевыхъ частяхъ конницы и артиллеріи. Съ 56-ю рисунками. Составилъ л.-гв. Атаманскаго Е. И. В. Государа Наслѣдника Цесаревича полка подъесаулъ Гладковъ. Спб., 1893 г., въ 16 д., 64 стр.

Цѣна 50 к., съ перес. 65 к.

Брошюра составлена хорошо и можетъ дѣйствительно служить въ войскахъ подспорьемъ отдѣлу обученія, который

журналъ Военный и литературный.

Годъ VI. Начать съ № 117.

С.-Петербургъ, Колокольная, 14.

Выходитъ еженедѣльно.

Портреты генерала-отъ-кавалеріи фонъ-Кригхаммера и генерала-отъ-инфантеріи фонъ-Шеллендорфа.—
Распоряженія по округамъ.—Замѣтки.—Корреспонденціи «Развѣдчика».—Что дѣлаютъ друзья-сосѣди?
(Съ рисунками). В. А. Г.—Бинокли и зрительныя трубы. (Окончаніе). Капитанъ К. Перскій.—
Конвойная стража Н. Николаевъ.—Русскія и французскія тевки. В. В. К—ій.—Ротмистры ар-
мейской кавалеріи. Ротмистръ Г.—Мѣсяцъ на горѣ Св. Николая. (Съ рисунками). (Окончаніе). В. Н. Перовъ.—Воспоми-
нанія объ экспедиціи въ Ахаль-Теке 1879—1881 гг. (Продолженіе). Г. Азотовъ.—Новыя изданія: Современный календарь
на 1894 г. А. Д. Ступина. Н. Николаевъ.—Новый методъ опредѣленія начальныхъ скоростей снарядовъ. А. Нилусъ. Н. П.
Обзоръ четырехъ русскихъ и трехъ иностранныхъ журналовъ.—Вопросы и отвѣты №№ 1179—1183.—Высочайшіе приказы.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ.

Первый частный ВОЕННЫЙ журналъ

„РАЗВѢДЧИКЪ“

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО. ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой и пересылкой:

На годъ 6 руб.
На 1/2 года 4 руб.
За границу на годъ 8 р.; на 1/2 года 5 р.

Разсрочка допускается только на годъ: при подпискѣ 2 р.
къ 1 марта 2 р.
къ 1 мая 2 р.

Денги могутъ быть высланы почтовыми марками, каждая не дороже 50 к. Безденежная подписка не принимается. За перемѣну адреса 28 к. Отдѣльные №№ высылаются за 15 к. Объявленія принимаются по особой расцѣнкѣ, высланной по требованію.

Новый Австро-Венгерскій имперскій военный министр, генералъ-отъ-кавалеріи

Эдлеръ-фонъ-КРИГХАММЕРЪ.

Генералъ Эдлеръ-фонъ-Кригхаммеръ родился 4 іюня 1832 г.

Новый Германскій Военный Министръ, генералъ-отъ-инфантеріи

Вальтеръ-Францъ-Георгъ

Бронзаръ фонъ-ШЕЛЛЕНДОРФЪ.

Родился въ 1833 году, воспитывался въ Прусскомъ кадет-

Воспоминанія объ экспедиціи въ Ахаль-Теке 1879—1881 гг. *).

(Продолженіе).

III.

30-го числа текинцы, нѣсколько ободренные какъ-бы успѣхомъ первой вылазки, сдѣлали вторую, — на нашъ лѣвый флангъ и лагерь, порѣшивъ, во что бы то ни стало, уничтожить послѣдній; но командиръ 3-го баталіона Апшеронскаго полка подполковникъ Поповъ, со своимъ баталіономъ блестяще и съ полнымъ успѣхомъ отстоялъ лагерь, за что, по личному представленію генерала Скобелева, всемилостивѣйше награжденъ орденомъ Св. Георгія.

Въ этомъ дѣлѣ непріятель вначалѣ проявилъ было необычайную стойкость и упорство, такъ какъ, не смотря на дружный залпъ, сдѣланный баталіономъ, и причинившій не мало потерь, продолжалъ, какъ-бы сплоченною стѣной, надвигаться, обнаживъ роковыя шашки и крича: «Алла, Алла!», «Урь!», «Урь!!», при чемъ среди мужскихъ голосовъ были слышны и женскіе.

Производится второй залпъ, столь-же молодецки выдержанный, какъ и первый.

Непріятель, не взирая на адскій огонь, всетаки продолжаетъ грозно наступать. Наконецъ, третій залпъ рѣшилъ, какъ-бы, споръ: текинцы не выдержали, обратились въ постыдное бѣгство, не внимая отчаянному женскому крику, побуждавшему ихъ не отступать; при этомъ употреблялись бранныя слова, означавшія въ переводѣ на нашъ языкъ: «ахъ вы бабы!», «ахъ вы трусы!».

Въ догонку бѣгущимъ было послано еще нѣсколько залповъ, при учащенной стрѣльбѣ изъ орудій. Черезъ часъ все стихло. Продолжалась лишь обычная перестрѣлка, да изрѣдка доносились отчаянные стоны умирающихъ и раненыхъ текинцевъ.

На утро слѣдующаго дня глазамъ нашимъ представилась такая картина: пространство впереди и на лѣвомъ флангѣ лагеря было сплошь усыяно трупами текинцевъ, лежавшихъ въ самыхъ разнообраз-

ныхъ позахъ, среди которыхъ, какъ въ послѣдствіи выяснилось, былъ и трупъ женщины, принявшей на себя роль предводителя.

4-го января текинцы произвели третью ночную вылазку, но, какъ и предыдущая, она не увѣнчалась успѣхомъ, такъ какъ храбрецы эти отступили съ большимъ урономъ.

5-го числа они сдѣлали послѣднюю попытку, рѣшивъ напасть на нашъ лагерь съ тыла; но опять неудачно, такъ какъ были встрѣчены дружными залпами пѣхоты, драгунъ и 14-ти орудій.

Увѣровавъ въ непоколебимость русскаго солдата, они съ этого дня, можно сказать, сложили свое холодное оружіе и съ трепетомъ стали ожидать со дня на день нападенія нашего на нихъ, при чемъ думали, что мы должны будемъ точно вынырнуть, внутри самой крѣпости, потому что подкапываясь, какъ кроты, мы такъ близко подошли къ ихъ стѣнамъ. Тѣмъ не менѣе, они поклялись отстаивать свою крѣпость до послѣднихъ силъ и крайности.

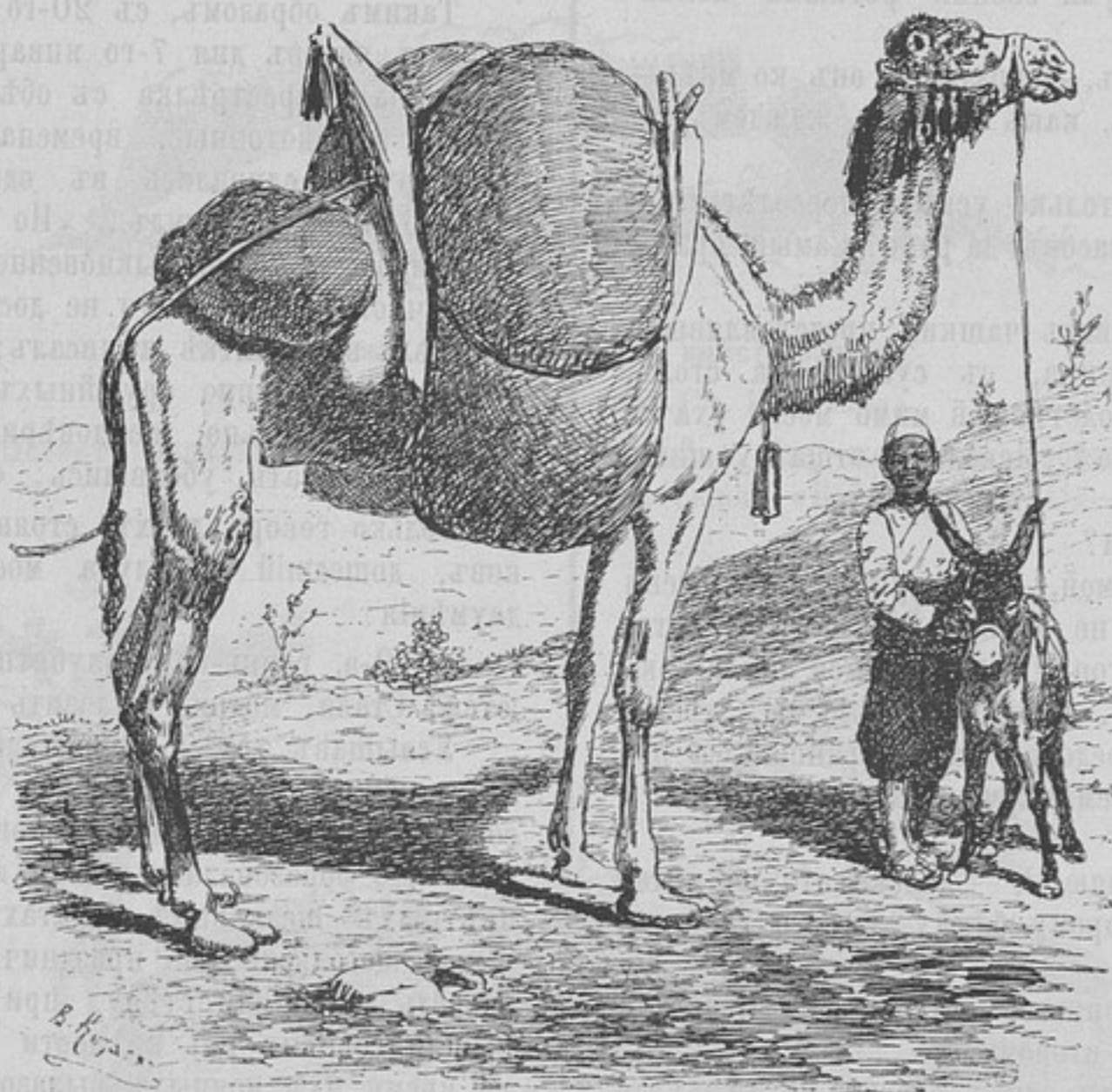
6-го января, по случаю дня Богоявленія Господня, состоялся въ отрядѣ парадъ съ участіемъ всѣхъ войскъ, подъ Геокъ-Тепе расположенныхъ, при чемъ, при водруженіи животворящаго креста въ воду, были произведены не троекратные,

а многократные залпы и не вверхъ, холостыми, а въ сердце Геокъ-Тепе, боевыми зарядами, такъ что текинцамъ этотъ день остался особенно памятнымъ, потому что многіе изъ нихъ въ послѣдствіи, когда уже состоялось покореніе ихъ, передавали нашимъ солдатамъ о томъ, что они очень недоумѣвали: «что бы это такое сдѣлалось съ русскими, что они ни съ того, ни съ сего открыли по нимъ такой адскій огонь?» А когда узнали, что это по случаю годового праздника, то, покачивая головами, заявляли: «счастье наше, что праздникъ этотъ у нихъ одинъ только разъ въ году бываетъ».

Ими даже было сдѣлано ошибочное предположеніе: «что это, вѣроятно, передъ началомъ штурма, и что въ этотъ день непременно русскіе должны будутъ на нихъ напасть».

По окончаніи парада, приходитъ ко мнѣ ординарецъ и докладываетъ:

— Ваше благородіе! Полковникъ

Верблюды и осликъ-вожакъ.
(Къ статьѣ «Мѣсяцъ на горѣ Св. Николая»).

Караванъ, водимый осликомъ. (Къ статьѣ «Мѣсяцъ на горѣ Св. Николая»).

*) См. «Развѣдчикъ» №№ 164 и 165.

Поповъ *приказали* вамъ идти обѣдать къ ихъ высокоблагородію.

— Хорошо! Скажи, что сейчасъ буду.

Одѣвшись, иду; но пока я дошелъ до кибитки отца, отстоявшей отъ мѣста расположенія нашего баталіона какихъ нибудь сажень въ стахъ, то безчисленное множество разъ былъ перекрещенъ пулями, благополучно мимо меня пролетавшими. Прихожу. Старый кавказецъ, посѣдѣлый въ бояхъ, баталіонеръ сидѣлъ уже съ двумя своими ротными командирами.

— Ну вотъ и ты подошелъ,—обратился онъ ко мнѣ,—садись, другъ мой. А мы ужъ, какъ видишь, жаждемъ горяченькаго.

— Да вѣдь еще рано? Я только успѣлъ переодѣться.

— Эге-ге! — Двѣнадцать часовъ, да рано? Самый, братъ, адмиральскій часъ!

Не успѣлъ деньщикъ поставить чашки, представлявшей изъ себя нѣчто въ родѣ супника, съ супомъ на столъ, какъ слышу, что вслѣдъ за пролетѣвшей мимо моего уха съ визгомъ пуль, что-то треснуло? Невольно отшатнувшись, спрашиваю присутствующихъ:

— Что это еще за новости?

— Ничего, ничего, другъ мой, — предупреждаетъ меня спокойно отецъ, — не больше, не меньше, какъ пули, которыя текинцы посылаютъ въ догонку двигающимся по лагерю. Мы ужъ попривыкли къ этому. Какъ видишь, мы, третій баталіонъ, расположенъ въ передовой линіи траншей, а потому и служимъ, какъ-бы преемниками текинскихъ пуль и снарядовъ.

— Тѣмъ не менѣе,—заявляю я, — далеко это не интересно. Я понимаю еще ко второму блюду, вмѣсто гарнира, а то сразу въ супъ.

— Такъ это вмѣсто куринныхъ потроховъ. Подожди, братъ, впрочемъ, будетъ и ко второму.

Не успѣлъ отецъ произнести этихъ словъ, какъ другая пуля, взвизнувъ надъ ухомъ его, шлепнулась тутъ-же въ кибиткѣ возлѣ носка его ноги. На что ротный командиръ изъ грузинъ, усмѣхнувшись заявилъ:

— Алексѣй Никитичъ! Спрячѣ-съ ее, это счастливая пуля, пото...

Не успѣлъ еще этотъ милый человѣкъ докончить своей фразы, какъ за спиной его раздался сильный трескъ перекладины. Онъ прехладнокровнѣйшимъ образомъ оборачивается и видитъ пулю, застрявшую въ деревѣ, вынимаетъ ее и приговариваетъ:

— Ахъ ты, мерзавка, обѣдать захотѣла-съ; если-бы не было дерева, она вскочила-бы въ мою спину-съ; ее надо тоже спрятать.

Откровенно говоря, далеко не съ аппетитомъ пообѣдалъ я у отца; а потому началъ вставать изъ за стола.

— Куда-же ты? Подожди: сейчасъ подадутъ кофе.

— Ну ужъ, дорогой, большое тебѣ спасибо! Навѣрное сахару у тебя, какъ и у всѣхъ, не особенно-то густо, такъ ты, пожалуй, вздумаешь угощать текинскимъ.

— Не хочешь, какъ хочешь. Не взыщи, пожалуйста, за скромный обѣдъ.

— Обѣдъ-то у тебя, безспорно, повкуснѣе моего, оберъ-офицерскаго, но все-же таки другой разъ лучше не приглашай. Тамъ у насъ, за вашими спинами, много спокойнѣе и лучше обѣдается; къ тому-же....

Пролетѣвшая съ особеннымъ свистомъ четвертая, по счету, пуля, не дала мнѣ докончить начатой фразы. Пуля эта пронизала кибитку и вслѣдъ затѣмъ за кибиткой что-то грохнулось съ отчаяннымъ крикомъ: «убило!» Моментально мы всѣ выскочили изъ кибитки и что же оказалось: пуля попала въ лобъ конюху отца, Юсупову, находившемуся при лошади за кибиткой; но, благодаря встрѣченныхъ на пути своемъ препятствій и вслѣдствіе того, что была уже на излетѣ, она кости не пробила, а пронизала лишь мягкія части.

Юсупову-же со страху показалось, что онъ убитъ наповаль. Прійдя въ себя, онъ самъ вынулъ пулю, расхохотался и замѣтилъ: «однаже какъ больно текинцы цѣлуются». Затѣмъ повязалъ голову платкомъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ ухаживать за лошадью.

— Что, Юсуповъ, лобъ-то твой мѣднымъ оказался? — спросилъ его отецъ.

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе, осиноый! — отвѣтилъ оправившійся отъ смущенія солдатикъ.

Я ушелъ, а они разошлись по своимъ кибиткамъ. Не знаю, пили-ли они дѣйствительно кофе или нѣтъ, такъ какъ это было-бы черезчуръ роскошно; не знаю также, съ русскимъ-ли или текинскимъ сахаромъ?

Такимъ образомъ, съ 20-го декабря, перваго дня осады, до 4-хъ часовъ дня 7-го января изо дня въ день шла безпрерывная перестрѣлка съ обѣихъ сторонъ; трескотня изъ ружей и монотонные, временами учащавшіеся, выстрѣлы изъ орудій сливались въ одно, и въ ушахъ былъ постоянно какой-то гулъ... Но вотъ въ 4 часа пополудни свершилось нѣчто необыкновенное: настала мертвая тишина... привычному уху чего-то не доставало... Въ этотъ моментъ я сидѣлъ въ кибиткѣ и писалъ; но когда сразу все затихло, и не стало слышно орудійныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ, то я, положительно, не довѣрилъ своимъ ушамъ, началъ ихъ встряхивать, убоявшись: «не оглохъ-ли?»

Только говоръ двухъ, стоявшихъ за кибиткой, солдатиковъ, дошедшій до слуха моего, вывелъ меня изъ недоумѣнія:

— Э-э, глянь-ка, Голубятниковъ, никакъ текинцы сдаются! Стали, мотри, вылазить изъ крѣпости.

Услышавъ это, я моментально, какъ бомба, выскочилъ изъ кибитки и дѣйствительно увидѣлъ слѣдующее: наши солдатки, какъ одинъ, всѣ повылѣзли изъ траншей на валъ, такъ что образовалась живая изгородь. Текинцы въ разноцвѣтныхъ шелковыхъ халатахъ съ ихъ женами и дѣтьми, также щегольски, по праздничному, разодѣтыми, въ свою очередь заполнили стѣну, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ вышли совсѣмъ изъ крѣпости и осматривали тѣла убитыхъ во время ихъ ночныхъ вылазокъ.

Но этотъ пріятный моментъ отдохновенія продолжался очень не долго: всего лишь 1½ часа. Съ 5½ часовъ пошла опять трескотня ружей и грохотъ орудій.

Въ этотъ-же вечеръ стало всѣмъ извѣстно, что генераломъ Скобелевымъ дана была текинцамъ возможность убрать тѣла, оставленные на полѣ битвы и начавшія уже разлагаться, заражая окружающій воздухъ.

А такъ какъ тѣла эти были мертвецы, которые, послѣ неудачныхъ ночныхъ вылазокъ, бросили Геокъ-Тепе и ускакали въ Меврѣ, то текинцы ихъ и не подбирали, обозвавъ ихъ «гяурами» — собаками, а потому лишивъ обряда погребенія.

Начиная съ 7-го числа и до 12-го, въ отрядѣ нашемъ шли самыя дѣятельныя приготовленія къ штурму Геокъ-Тепе, который сначала предполагалось произвести 10-го числа; но такъ какъ закладка динамита подъ юго-западный уголъ крѣпости для образованія бреши не удалась 8-го числа, то ее перенесли на 11-е, а штурмовать окончательно рѣшено было 12-го января.

Во всѣ дни осады весь отрядъ, не знавшій, или вѣрнѣе, не имѣвшій настоящаго сна, наканунѣ штурма совершенно забылъ о немъ и каждый только и думалъ о завтрашнемъ днѣ, къ тому же еще съ 10-ти часовъ вечера, въ продолженіи трехъ или четырехъ часовъ, лилъ, какъ изъ ведра проливной дождь, что еще больше привело всѣхъ въ нетерпѣливое ожиданіе слѣдующаго дня. И вотъ насталъ этотъ желанный и рѣшающій участь многихъ день!... Утро сѣренькое, пасмурное. Въ воздухѣ пахнетъ сыростью и слегка мороситъ. 6 часовъ. Солдаты повставали и какъ-то особенно тщательно прибираются, заботясь, главнымъ образомъ, о чистыхъ рубахахъ. Лица у всѣхъ добрыя, оживленные, глаза смотрять серьезно, — въ ожиданіи чего-то торжественнаго.

Въ нашемъ баталіонѣ сознаніе важности наступившей минуты какъ-то рѣзче. Это тотъ баталіонъ, который, очень несчастливо, заплативъ дорогою цѣною, потерялъ свое знамя. Ему предоставлена честь умереть первымъ, находясь во главѣ штурмующей колонны лѣваго фланга. Боевая традиція баталіона должна въ этотъ день обогатиться новымъ славнымъ подвигомъ, который, быть можетъ, создастъ ему знамя. Пусть оно развѣвается, хоть надъ общей могилой, сдѣлав-

шись достояніемъ страницъ исторіи, но оно должно развѣ-
ваться! Такъ говорятъ блестящіе глаза этихъ солдатъ.

Такъ слышится это въ сдержанныхъ, отрывистыхъ
фразахъ!

— Дай-то, Господи, побѣдить, да тамъ и умереть, — по
мертвому не вспомнятъ лихомъ.

— А что, братцы, ежели знамя найти, то меня тогда
хоть живымъ жги.

Въ средѣ охотничьей ко-
манды менѣе замѣтенъ
этотъ возвышенный тонъ.
Отважные смѣльчаки такъ
сроднили жизнь со смертію,
что для нихъ перипетіи
боевой жизни вошли въ
привычную колею. Балагу-
рятъ и острятъ по старому.
Начальникъ ихъ, Воропа-
новъ, нѣсколько озабоченъ.

Ему первому съ командой предстоитъ овладѣвать обваломъ
на правомъ флангѣ.

Всѣ разошлись по
своимъ мѣстамъ и участ-
камъ. Мнѣ была ввѣрена
графомъ Орловымъ-Дени-
совымъ, принявшимъ
послѣ смерти князя Ма-
галога, 4-й баталіонъ, ко-
манда въ 40 человекъ
охотниковъ, ко-
торая должна
была идти во
главѣ штурму-
ющей колонны
лѣваго фланга и
овладѣвать
брешью; а по-
тому я каждому
изъ охотниковъ
объяснилъ цѣль
нашего назна-
ченія и пунктъ,
на который, по
данному сигналу
къ атакѣ, мы
должны были броситься, т. е. на брешь, произведенную
посредствомъ динамита.

Въ это самое
время прибѣжалъ
ко мнѣ отъ отца
ординарецъ.

— Ваше бла-
городіе, васъ про-
сятъ его высоко-
благородіе, коман-
диръ 3-го баталіо-
на.

— Хорошо! —
сказалъ я нѣсколь-
ко недовольнымъ
тономъ, такъ какъ
былъ прерванъ,
какъ говорится, на
самомъ интерес-
номъ мѣстѣ и,
подумавъ, «что бы
это могло ему теперь понадобиться отъ меня?», по-
шелъ. Встрѣтилъ я его, ведущимъ по траншеямъ свой
баталіонъ на позицію.

— А, здравствуй, Георгій! Давай простимся!
Быть можетъ, не увидимся болѣе, — обратился онъ ко
мнѣ голосомъ, нѣсколько взволнованнымъ.

— Съ нами Богъ и Его святая воля! — отвѣтилъ я ему
на это.

Обнялись мы и крѣпко расцѣловались. Старикъ, сдерживая

слезы, осѣнилъ меня крестнымъ знаменіемъ.

— Ну, Христосъ съ тобою!.. Иди!.. Надѣль-ли чистое
бѣлье?

— Надѣль, надѣль, — отвѣтилъ я на скоро, удаляясь отъ
него, понуря голову.

Отъ этой грустной картины меня точно кольнуло чѣмъ-
то въ сердце... Тяжело, очень тяжело легли на душу мою
слова отца моего... Какъ живой предсталъ въ воображеніи
моемъ, лежавшій на полѣ,
мой братъ съ зіяющею на
ногѣ раню, изъ которой
кровь фонтаномъ била!...
Жаль стало старика отца!...
Въ головѣ зародились разные
мысли. Позавидовалъ, чуть-
ли не въ первый разъ, я
всѣмъ остальнымъ въ отря-
дѣ, такъ какъ каждый изъ
нихъ былъ особнякомъ; а
тутъ?... Надо-же было собраться всею семьей: отецъ и
два сына! «Война и пытка!» — вотъ что звучало въ ушахъ
моихъ, когда я удалялся отъ
отца.

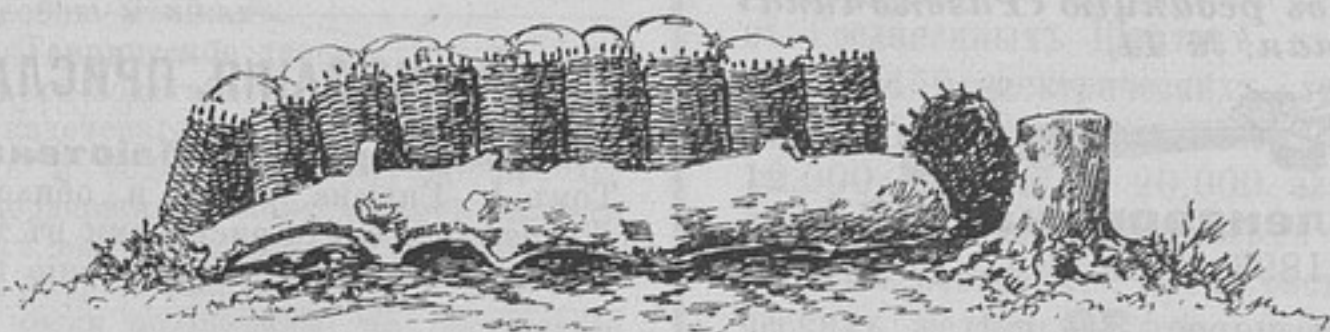
Но что, надо сознаться,
меня до крайности удивило и
было тогда непонятнымъ для
меня, такъ это — быстрый пере-
ходъ отъ одного душевнаго на-
строенія къ другому, совер-
шенно проти-
вуположному;
а именно: ко-
гда я вернулся
къ своей ко-
мандѣ, то я
какъ будто да-
же повеселѣлъ,
только что ро-
ившіяся въ го-
ловѣ моей мы-
сли, какъ ру-
кой сняло, и
я весь сосре-
доточился на
бреши, призы-
вая мысленно на помощь Всевышняго Создателя.

Ровно въ 11 час. 20 мин. былъ произведенъ взрывъ
Великокняжеской
мины, который и
долженъ былъ по-
служить сигналомъ
къ общему насту-
пленію.

Тотчасъ же мы
выскочили изъ пе-
редовой траншеи,
выстроились и, по-
слѣ моихъ словъ:
«Ну, братики, впе-
редъ, за Царя, за
Русь святую», дви-
нулись безостано-
вочно впередъ и съ
крикомъ «ура!»,
осыпаемые дождемъ
свинца со стѣнъ
крѣпости, броси-
лись на самую
брешь; но, будучи
встрѣчены мѣт-
кимъ огнемъ, глы-
бами глины и ка-
мнями, низвергаемыми со стѣнъ, залегли на половинѣ бреши.
Люди поминутно выбывали изъ строя.

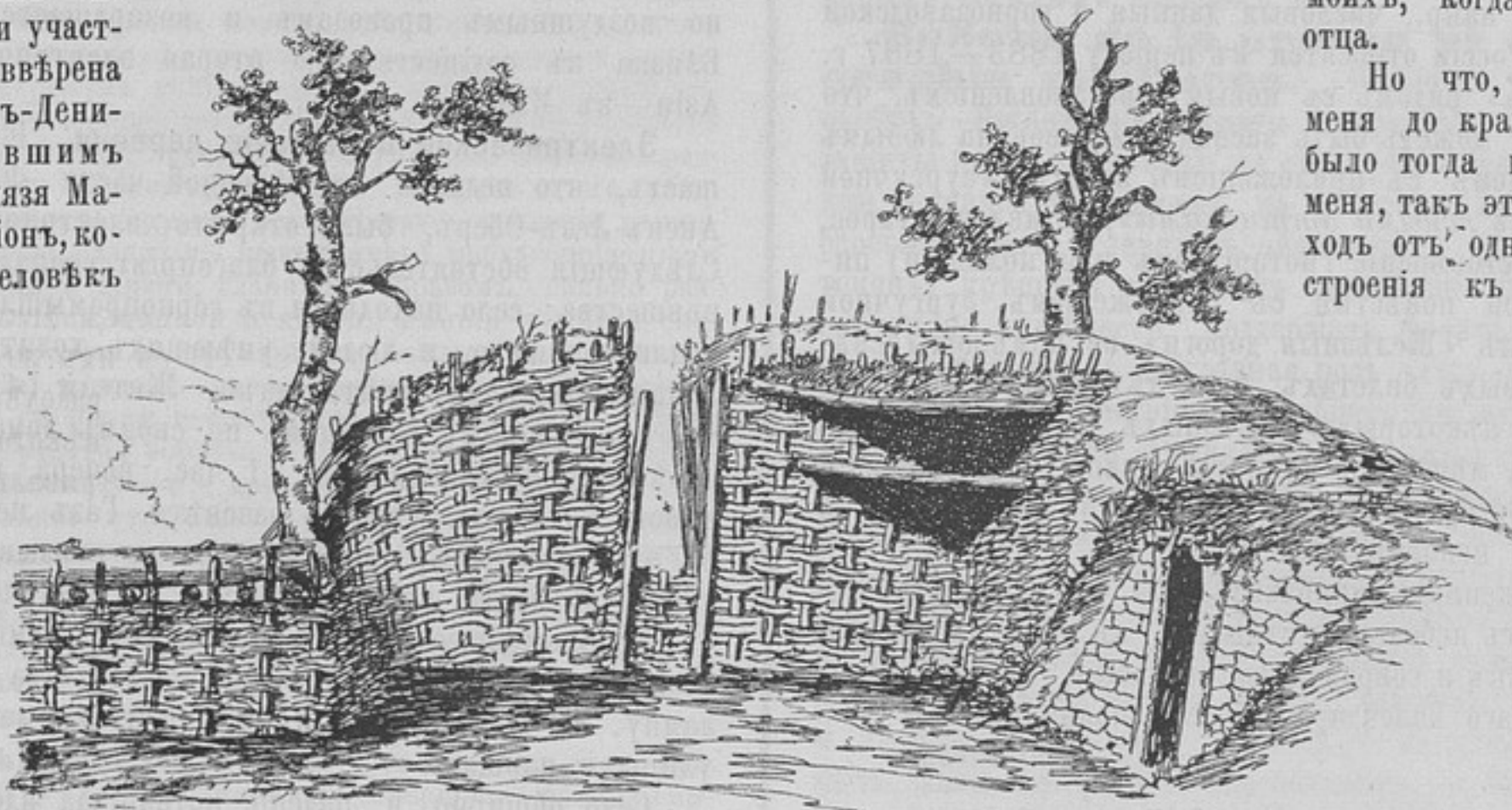
Г. Азотовъ.

(Продолженіе будетъ).

Брустверь изъ туровъ и бревно вмѣсто банкета.

(Къ статьѣ «Мѣсяцъ на горѣ Св. Николая»).

Видъ турецкой траншеи и амбразуры съ внутренней стороны.

(Къ статьѣ «Мѣсяцъ на горѣ Св. Николая»).

Вершина Воронье гнѣздо.

(Къ статьѣ «Мѣсяцъ

Домики турецкаго штаба.

на горѣ Св. Николая»).

журналъ Военный и литературный.

Подписная цѣна
съ доставкой и пересыл-
кой за годъ . . . 6 руб.
На 1/2 года 4 р., на 3 мѣ-
сяца 2 р., за границу 8 р.
Отдѣльные №№ по 15 к.
За перемѣну адреса 28 к.
Статьи и замѣтки должны быть
съ подписью и адресомъ автора.
Въ случаѣ надобности статьи
передѣлываются въ редакціи.
Для личныхъ объясненій редак-
ція открыта въ будни отъ
7 до 9 час. вечера.

Годъ VI. Начать съ № 117.

С.-Петербургъ, Колокольная, 14.

Выходитъ еженедѣльно.

Портретъ генералъ-лейтенанта Леера.—Распоряженія по округамъ.—Замѣтки.—Корреспонденція «Раз-
вѣдчика».—Къ вопросу о ваканціонномъ производствѣ въ армейской пѣхотѣ. *Изъ Парижа*.—Уставъ
о воинской повинности. П. П. Р...—Объявленіе приговоровъ суда. Л. Д.—Побѣдныя памятники въ
Италии. В. А. Г.—Спортъ. *Velo*.—Подготовительныя въ артиллеріи къ стрѣльбѣ упражненія. *Розовъ*.—
Батальонные адъютанты. Н. Жадко-Андреевъ.—Г. А. Лееру. (Стихотворенія.) Ш. и К. Д.—Воспо-
минанія объ экспедиціи въ Ахаль-Теке въ 1879—1881 гг. Г. Азотовъ.—Новыя изданія: Воинички
Буквар. Н. Н. Филипповъ.—Чтенія для нижнихъ чиновъ и народа. М. Андреевъ. К. Абаза.—Der Felddienst in den Rus-
sischen Armee. М. И. К.—Teoria de la Tactica. В. А. Г.—Извѣстія изъ иностранной печати.—Совѣты.—Обзоръ пяти рус-
скихъ и четырехъ иностранныхъ журналовъ.—Вопросы и отвѣты №№ 1184—1188.—Высочайшіе приказы.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ.

Первый частный ВОЕННЫЙ журналъ

„РАЗВѢДЧИКЪ“

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО. ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:

На годъ 6 руб.
На 1/2 года 4 руб.
За границу на годъ 8 р.; на 1/2 года 5 р.

Разсрочка допускается только на годъ: при подпискѣ 2 р.
къ 1 марта 2 р.
къ 1 мая 2 р.

Денги могутъ быть высланы почтовыми марками, каждая не дороже 50 к. Безденежная подписка не принимается. За перемѣну адреса
28 к. Отдѣльные №№ высылаются за 15 к. Объявленія принимаются по особой расцѣнкѣ, высылаемой по требованію.

Начальникъ Николаевской академіи Генеральнаго Штаба, Генералъ Лейтенантъ

Генрихъ Антоновичъ

ЛЕЕРЪ.

Родился въ 1829 году. На службу вступилъ въ 1844 году

кондукторомъ въ кондукторскую роту главнаго инженернаго училища. Въ 1848 году произведенъ по экзамену въ прапорщики полевыхъ инженеровъ, съ оставленіемъ при главномъ инженерномъ училищѣ. На дѣйствительную службу былъ выпущенъ въ 1850 году и въ томъ же году былъ переведенъ въ 3-й резервный саперный батальонъ. Въ 1851 году находился при сборѣ отряда въ укрѣпленіи Воздвиженскомъ для рубки просѣки, а также принялъ участіе въ зимнихъ дѣйствіяхъ въ Большой Чечнѣ, а именно: 4-го января отрядъ перешелъ р. Аргунъ и расположился лагеремъ противъ Шалинскаго окопа; затѣмъ произведена была рекогносцировка, и 5-го числа были разбиты скопища Шамиля, а черезъ два дня заняты окопы Атагинской дороги. 27-го февраля колонна г.-м. князя Барятинскаго поразила значительныя скопища непріятеля при р. Шавдонѣ и Бонѣ, къ 1-му же марта войска Чеченскаго отряда. За отличія въ описанномъ походѣ Г. А. Лееръ получилъ старшинство въ чинѣ подпоручика на 4 мѣсяца. Въ 1852 году былъ отправленъ въ Императорскую военную академію (нынѣ Николаевская академія генеральнаго штаба) и, по окончаніи курса, наукъ былъ въ 1854 году причисленъ къ генеральному штабу, съ назначеніемъ состоять въ распоряженіи командовавшаго войсками, расположенными въ Эстляндіи, на должность старшаго адъютанта, а въ 1856 году — состоять при департаментѣ генеральнаго штаба. Съ этого времени началась уже военно-педагогическая и военно-учебная дѣятельность Генриха Антоновича, который молодымъ офицеромъ, всего въ чинѣ штабсъ-капитана, и былъ назначенъ 4-го декабря 1858 г. исправляющимъ должность адъютанта-профессора тактики въ Николаевской академіи генеральнаго штаба. Черезъ два года былъ утвержденъ въ упомянутой должности. Въ 1864 г. состоялось назначеніе на должность начальника офицерскихъ отдѣленій въ Николаевской инженерной академіи, съ оставленіемъ въ званіи адъютанта профессора въ академіи генеральнаго штаба. Въ этомъ же году состоялось и утвержденіе уже въ должности профессора тактики. Въ 1865 г. произведенъ въ полковники. Въ 1869 г. Всемилостивѣйше былъ пожалованъ перстень за поднесеніе экземпляра сочиненія «Опытъ критико-историческаго изслѣдованія законовъ искусства веденія войны (Положительная стратегія)». Въ 1870 г. состоялось зачисленіе полковника Леера для порученій при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній, а въ слѣ-

Воспоминанія объ экспедиціи въ Ахалъ-Теке 1879-1881 гг. *).

(Продолженіе).

Оглянувшись назадъ, я замѣтилъ, что охотники черезчуръ увлеклись, ибо 4-й баталіонъ, стройно и молодецки шедшій съ графомъ Орловымъ-Денисовымъ, подходилъ только къ подошвѣ обвала. А когда онъ подошелъ и огласилъ воздухъ несмолкаемымъ могучимъ «ура», я, выскочивъ впередъ, закричалъ: «Ну, ребята, теперь за мной, ура!». Вмигъ очутились мы на вершинѣ бреша, откуда глазамъ нашимъ открылась внутренность крѣпости, усеянная кибитками, и гдѣ мы были встрѣчены массою текинцевъ частью съ обнаженными шашками, частью съ направленными въ упоръ дулами ружей, изъ которыхъ одно, какъ мнѣ казалось, было наведено непосредственно на меня. Раздался выстрѣлъ — и я почувствовалъ, что меня точно чѣмъ-то горячимъ ожгло по лбу. Ноги мои подкосились, и я скатился съ вершины въ ровъ, гдѣ меня подхватили двое солдатиковъ подъ руки. По дорогѣ на перевязочный пунктъ я пришелъ въ себя и увидѣлъ, что правая рука моя и правая сторона лица въ крови. Вотъ въ такомъ-то, далеко неприглядномъ и печальномъ видѣ провели меня мимо старика отца, который велъ изъ резерва, точно на церемониальномъ маршѣ, свой, по военному составу, баталіонъ съ распушеннымъ знаменемъ подъ звуки марша «Добровольцевъ».

Когда привели меня въ кибитку, гдѣ былъ перевязочный пунктъ, первымъ меня увидѣлъ лежавшій на носилкахъ, ранѣе меня раненый въ руку и ногу, графъ Орловъ-Денисовъ, который обратился ко мнѣ съ слѣдующими теплыми словами:

— Ахъ, голубчикъ Поповъ, и васъ ранили. Ну ничего! Вы, видѣлъ я, такимъ молодцомъ и такъ отважно ринулись со своими охотниками на брешь, что я радовался за васъ. Бѣленькій крестикъ за мною.

Но, къ величайшему сожалѣнію, этотъ добрѣйшей души человекъ, аристократъ въ полномъ смыслѣ слова, на другой или на третій день умеръ отъ ранъ. Своимъ ровнымъ, товарищески-добрымъ отношеніемъ ко всемъ, графъ Орловъ-Денисовъ въ какія-нибудь двѣ недѣли успѣлъ пріобрѣсти расположеніе и любовь офицеровъ 4-го баталіона.

Сейчасъ-же, по приходѣ моемъ въ кибитку, меня встрѣтила, находившаяся въ передовомъ отрядѣ, самоотверженно работавшая въ качествѣ сестры милосердія, графиня Милютина, которая матерински усадила меня и, промывъ рану, сдѣлала перевязку. Оказалось, что пуля, что называется, долбанула меня вкось въ правый високъ, разорвавъ мягкія части и обнаживъ кость, которую, впрочемъ, не тронула. Послѣ перевязки, какъ водится, для успокоенія нервовъ дали мнѣ хересу и уложили спать на носилкахъ, замѣнявшихъ собою кровати.

Я чувствовалъ себя какъ бы въ лихорадкѣ: въ виски стучало, голова страшно трещала, правый глазъ мой вздулся и затекъ кровью. Спать не хотѣлось, несмотря на предыдущую ночь, проведенную совсѣмъ безъ сна, а одолѣвала какая-то дремота!... Я задремалъ было; да разомъ очнулся, когда слышалъ позади кибитки извѣстную суетню и голоса:

— Полковника Попова принесли!

Мигомъ выскочилъ я изъ кибитки и увидѣлъ: на носилкахъ лежалъ, точно трупъ, отецъ мой, голова, свѣсившись, представлявшая изъ себя нѣчто въ родѣ широкообразнаго кома, залитаго кровью.

— Убить!? — спрашиваю я испуганнымъ голосомъ.

— Не можемъ знать, ваше благородіе; никакъ убиты, потому, не изволятъ двигаться и не говорятъ.

По сердцу рѣзнуло чѣмъ-то... Слезы готовы были хлынуть изъ глазъ... Но лучъ надежды блеснулъ... Я нагнулся надъ лежавшимъ и сталъ прислушиваться... Дышетъ... Это успокоило нѣсколько меня.

Конечно, тотчасъ-же прибѣжали: та же предупредительная графиня Милютина, доктора, фельдшера. Раздѣли его, обмыли и съ большимъ трудомъ привели въ чувство.

Оказалось, что онъ, взойдя съ баталіономъ на брешь,

былъ раненъ въ голову съ раздробленіемъ правой теменной кости.

Его положили также на носилки, рядомъ со мною. Послѣ сдѣланной ему перевязки, онъ заснулъ, какъ убитый. Я-же, при всемъ желаніи, не могъ уснуть. Когда пришелъ провѣдать насъ докторъ, то я обратился къ нему.

— Скажите, пожалуйста докторъ, не скрываете отъ меня, такъ какъ я готовъ ко всему, опасно-ли раненъ мой отецъ?

— Знаете-ли что, — сказалъ онъ, — рана отца вашего столь серьезна, что посмотримъ, что скажетъ утро завтрашняго дня? Если выживетъ, то дѣло пойдетъ на поправку.

Послѣ столь неутѣшительныхъ словъ о снѣ не могло быть и рѣчи. Я то и дѣло приподнимался съ носилокъ и все прислушивался: «дышетъ-ли». Видѣлъ, какъ, крадучись на цыпочкахъ, подходили къ носилкамъ его то докторъ, то сестрица, то фельдшеръ, заглядывали въ лицо и также осторожно отходили.

Когда я приподнимался при этомъ, то они безмолвно знакомъ руки показывали, чтобы я лежалъ и спалъ.

На разсвѣтѣ, кажется, я какъ-бы забылся нѣсколько; но, точно ужаленный, очнулся... приподнялся... заглянулъ въ лицо отца и, замѣтивъ дыханіе, успокоился. Опять задремалъ на нѣкоторое время... Но вотъ до слуха моего доносится страдальческимъ голосомъ отца произнесенныя слова:

— Георгій, сынъ мой, живъ-ли ты?

Очнувшись отъ дремоты, я сразу не могъ себѣ дать отчета: на яву это я слышу, или во снѣ? Приподнялся, взглянулъ на отца? Слышу опять:

— Георгій, сынъ мой, живъ-ли ты?

— Живъ, живъ, дорогой, пожалуйста не беспокойся обо мнѣ. Меня вѣдь пуля только царапнула. — Успокоилъ я его; а самъ внѣ себя отъ радости, побѣжалъ въ сосѣднюю кибитку къ доктору подѣлиться съ нимъ моимъ восторгомъ.

Тотъ пришелъ, поцупалъ его пульсъ и тихо проговорилъ мнѣ:

— Богъ спасъ отца вашего; но не забывайте сами о томъ, что и вы ранены, а потому больше не вставайте съ постели и подкрѣпляйтесь спасительнымъ сномъ.

IV.

Такимъ образомъ, упорство и энергія защитниковъ были сломлены. Потерявъ обвалы, будучи въ упоръ поражаемы съ трехъ сторонъ неумолкаемымъ огнемъ цѣпи и залпами сомкнутыхъ частей, приведенные въ ужасъ лопающимися въ тылу гранатами, видя повсюду гибель товарищей и семействъ, они дрогнули. Огромная толпа этихъ могучихъ бойцовъ почти одновременно повернула и направилась на сѣверъ, къ холму, тѣсясь и ища спасенія въ бѣгствѣ. Въ тылъ имъ гремѣли залпы и неслась съ обвала картечь горныхъ пушекъ. Тогда-то частямъ, бывшимъ уже внутри аула, приказано было завладѣть холмомъ и преслѣдовать противника. Пѣхотныя части, окруженные сплошною цѣпью, быстро двинулись къ холму, учащенно стрѣлая на ходу и переступая черезъ многочисленные трупы.

Въ 1 часъ дня знамя 3-го баталіона Апшеронскаго полка развѣвалось уже на холмѣ.

Такъ окончился достопамятный штурмъ.

Сколько разнородныхъ думъ тѣснилось въ головѣ, когда, послѣ такихъ тревогъ и такого сильнаго возбужденія, и люди, и природа успокоились въ ночной темнотѣ, покрывшей собою всѣ окрестности. Вчера и сегодня громъ и трескъ, теперь — лагерная, почти домашняя жизнь.

Вчера Тыкла Сердаръ — вождь, предводитель, сегодня — явившійся съ повинной, простой смертный татаринъ, не болѣе того.

Былъ непріязненный народъ, была цѣлая непріятельская армія — и вдругъ, что же осталось отъ сильныхъ, славныхъ сихъ мужей? Изъ 30,000 — половина!

Война кончилась; кровь болѣе не льется: сразу стало такъ тихо...

Какъ извѣстно, раненыхъ при штурмѣ крѣпости Геокъ-Тепе офицеровъ было восемнадцать, а въ числѣ ихъ изъ

*) См. «Развѣдчикъ» № 155.

апшеронцевъ, кромѣ меня и отца, находившихся на попеченіи, такъ сказать, «Краснаго Креста», были еще: Камерининовъ, Усачевъ, Дегтяревъ, изъ моряковъ: Шаманъ и Майеръ — все это наимилѣйшіе люди.

Уходъ за всѣми нами, ранеными офицерами, порученъ былъ наидобрѣйшей сестрицѣ Стряковой, которая съ рѣдкимъ самоотверженіемъ ухаживала за нами и тѣмъ облегчала наши страданія. Это та самая Стрякова, которая, дѣлая перевязку одному раненому солдату, сама была контужена пулей. Передъ тѣмъ, какъ быть намъ эвакуированными на западный берегъ Каспійскаго моря, всѣ мы, раненые, проникнутые чувствомъ глубокой благодарности, преподнесли этой въ полномъ смыслѣ слова сестрѣ милосердія благодарственный адресъ съ золотымъ медаліономъ, на одной сторонѣ котораго, изображенъ былъ эмалевый красный крестъ, а на другой — вырѣзаны фамиліи всѣхъ раненыхъ, за которыми ухаживала эта рѣдкая женщина.

Въ мартѣ мѣсяцѣ я и отецъ возвратились въ штаб-квартиру полка — гор. Т. Х. Шуру, и оба съ повязанными головами предстали предъ очи нашей родной семьи. Слезамъ радости и горя не было конца.

Г. Азотовъ.

Просятъ авторовъ, желающихъ имѣть отзывъ о своихъ военныхъ трудахъ, присылать по 2 экз. новыхъ изданій въ редакцію «Развѣдчика», С.-Петербургъ, Колокольная, № 14.

Воѣннички Букваръ. Составио К. Јокић, пешад капетан II класе. Београд. 1893.

Сербская военно-педагогическая литература обогатилась недавно чрезвычайно важнымъ, по заявленіямъ сербскихъ библиографовъ, трудомъ. Это — небольшая (20+60 страницъ) книжка пѣхотнаго капитана К. Јокича «Букваръ для войскъ». Издана книжечка чрезвычайно изящно, на прекрасной бумагѣ, съ очень порядочными клише рисунковъ, и заслужила всеобщее одобреніе журналистики, не только специально военной, но и педагогической, въ которой она признана одной изъ лучшихъ книгъ для народа. На первыхъ 16 пронумерованныхъ страницахъ размѣщены рисунки къ буквамъ и отдѣльнымъ словамъ, показано курсивное ихъ начертаніе и составлены легкія фразы и разговоры, преимущественно касающіяся солдатской жизни. На слѣдующихъ четырехъ — показано начертаніе прописныхъ курсивныхъ буквъ. Далѣе идутъ упражненія въ чтеніи печатныхъ буквъ (1—6 стр.) и перечисленіе географическихъ именъ Сербства (хотя Истрія, Бачка и Хорватія не суть сербскія земли). На 10-й страницѣ римскія и арабскія цифры, а на двухъ слѣдующихъ приведены отрывки изъ народныхъ пѣсенъ о богатыряхъ сербскихъ, къ сожалѣнію, черезчуръ не многочисленные и мало-колоритные; между тѣмъ, на этотъ то отдѣлъ и слѣдовало обратить наибольшее вниманіе составителю книжки. Остальная часть книги (13—59 стр.) занята свѣдѣніями, необходимыми для каждаго рядоваго.

Въ общемъ, книга производитъ весьма пріятное впечатлѣніе.

Н. Н. Филипповъ.

Чтеніе для солдатъ и народа. Полтавская битва. М. А. Андреянова. Спб., 1893 г. Цѣна 10 к. Бородинскій бой. Спб., 1893 г. Цѣна 10 к. Изданія педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній.

Выборъ сраженія, какъ темы для солдатской аудиторіи, представляетъ вообще довольно трудную задачу. Важное въ политическомъ отношеніи или замѣчательное по тактическимъ

комбинаціямъ, оно зачастую оказывается совершенно непригоднымъ для пересказа. Въ военной исторіи есть цѣлая кампанія чрезвычайно интересныя сами по себѣ, но не поддающіяся популяризаціи. Дѣло въ томъ, что составитель популяризаторъ, не искажая событія — будь то осада, сраженіе или защита — и дѣйствуя болѣе на чувство и воображеніе читателя, долженъ дать одну или рядъ картинъ, написанныхъ густыми яркими красками, на первомъ планѣ которыхъ фигурируютъ герои дня. Позиція, численность войскъ, задачи боя, способъ выполненія — все это вещи второстепенныя, не обходимыя лишь настолько, чтобы сохранить историческую вѣрность; цѣль подобныхъ пересказовъ — не тактика и не военная исторія, а заставить усиленно биться сердце солдата, вдохновить его тѣмъ чувствомъ, которое переживали борцы. Правда, нужно самому многое перечувствовать... Обращаясь къ вышеозначеннымъ книжкамъ, мы прежде всего отмѣтимъ, что Полтавское сраженіе, какъ тема для солдатской аудиторіи, болѣе на руку составителю, чѣмъ Бородинскій бой. Тамъ, при несложности операций — величавый образъ Петра, героическая личность Карла, трагическое положеніе шведовъ короткое столкновеніе — все это, такъ сказать, бьетъ въ глаза и безъ труда перерабатывается. Въ бородинской битвѣ все, начиная съ позиціи, требуетъ мастера, умѣнья изложить длинный рядъ кровавыхъ драматическихъ эпизодовъ, отмѣнить критическій моментъ боя, назвать цѣлую вереницу генераловъ, которые во главѣ корпусовъ или дивизій отважно пытались сломить желѣзное упорство, провести черезъ весь рассказъ, красной ниткой ту мысль, что здѣсь ярче всего сказались не только боевыя черты, но и особенности вражескихъ національностей. По нашему мнѣнію бородинская битва, въ умѣломъ пересказѣ, должна производить на слушателя удручающее впечатлѣніе, почему при выборѣ темъ ее слѣдовало бы избѣгать, включая, какъ эпизодъ, въ кампанію двѣнадцатаго года.

«Полтавская битва» Андреянова въ общемъ изложена удовлетворительно; большая часть книжки посвящена описанію сраженія, которому предпосылается краткій очеркъ Сѣверной войны, а въ заключеніе — добытые результаты. Все это написано просто, безъ претензій и пафоса, мѣстами картинно; приложена недурная схема сраженія и очень плохіе портреты главныхъ героевъ Петра и Карла. Къ недостаткамъ книжки мы относимъ всѣ тѣ пропуски и неточности, которыя произошли отъ поверхностнаго изученія самой темы. Хотя они скрашены отрывками изъ поэмы Пушкина «Полтава», но мы считаемъ этотъ довольно излюбленный и дешевый способъ подмалевыванія вполне неумѣстнымъ тамъ, гдѣ не имѣютъ никакого понятія ни о Пушкинѣ, ни о его творчествѣ, ни о поэзіи вообще. Хорошо напомнить поэму звучными и образными отрывками тѣмъ, которые во время оно ее разучивали, а въ данномъ случаѣ это балластъ. Неточности языка и самыхъ событій встрѣчаются довольно часто: «Начальникомъ (?) русской части (?) Малороссіи (или гетманомъ) былъ Мазепа (стр. 3); разрушеніе Батурина сближено съ пораженіемъ Левенгаупта (стр. 4); въ Полтавѣ «находились главные склады русской арміи» (стр. 5); «онъ (т. е. Карлъ XII) пожелалъ самъ распоряжаться во время предстоящаго сраженія» (стр. 6) — тогда, какъ дѣло было совершенно наоборотъ: не желая, Карлъ XII-й вмѣшивался и тѣмъ путалъ своихъ генераловъ; «главная баталія» вмѣсто генеральной баталія (стр. 7); послѣ пораженія «шведская армія спѣшила въ свой лагерь» — тогда она не попала бы въ Рѣшетилровку и Переволочну и т. д.

Составитель «Бородинскаго боя» въ общихъ чертахъ рассказываетъ всю кампанію двѣнадцатаго года, что, по нашему мнѣнію, невыгодно отразилось на самой темѣ: она вышла блѣдно, а начало и конецъ сухи, отрывочны; изложеніе также просто, но изрѣдка замѣтенъ риторическій пафосъ; схема сраженія очень недурна, портреты обоихъ императоровъ ниже всякой критики. За то кампанія изучена внимательнѣе, чѣмъ въ предыдущемъ случаѣ, почему неточности встрѣчаются какъ исключеніе: партизаны (стр. 20) вовсе не добровольцы; Кутузовъ никого не перехитрилъ (стр. 14), и появленіе Платова за р. Калочей объясняется гораздо проще. Это почти все, что мы замѣтили. Кажется страннымъ, что составитель, излагая довольно добросовѣстно всѣ пери-